

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.В. АЛЕЙНИКОВ

*Санкт-Петербургский
Государственный университет*

e-mail: AV-Aleymikov@yandex.ru

В статье основное внимание уделяется раскрытию особенностей и социально-политических факторов институциональной трансформации российского бизнеса на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: власть, бизнес, институциональная трансформация, политический процесс.

Изучение взаимодействия бизнеса и власти привлекает внимание политологов, социологов, экономистов с момента возникновения предпринимательства как специфического социально-политического института.

Три «Р» - «power», «prestige», «payment» - власть, социальный статус, денежные доходы являются, с одной стороны, основными мотиваторами бизнеса. С другой стороны, рост капитализации бизнеса всегда рассматривается и как метод достижения власти, борьба за которую становится движущей силой социально-экономического развития. При этом необходимо отметить, что конкретные формы и методы, используемые бизнесом в экономическом процессе зависят от политической институциональной среды.

Бизнес, как составная часть общества, неразрывно и органично с ним связан. Однако, для России характерен ценностный, психологический, мотивационный конфликт бизнеса с социальной средой. Российский бизнес практически не имеет собственных традиций существования, признаваемую обществом предпринимательскую этику. В российском обществе не восприняты многие принципы римского частного права, в том числе безусловной защиты частной собственности. Отделение частного интереса от общественного не только противоречит российской традиции, но и подкрепляется соответствующими правовыми механизмами. В российском праве не закреплён приоритет устойчивого экономического и социального развития над частным интересом максимизации извлечения прибыли. Отсюда - взаимное нарастающее отстранение гражданского общества, власти и бизнеса, отсутствие консолидированности и неотчетливая структурированность, которая объясняется не только слабой артикуляцией интересов общества, но и неразвитостью соответствующих институтов, в том числе бизнеса. С другой стороны, само общество до сих пор не смогло установить соответствующие нормы и правила для бизнеса, адекватные новым формам экономического, политического и социального пространства.

Специфика российского капитализма, обусловленная особенностями его происхождения, функционирования и социально-политическими результатами определяет и специфику бизнеса как системообразующего элемента рыночной демократической социальной организации.

Для концептуализации обозначения сложившейся в России политико-экономической системы, которая, несмотря на наличие структурных характеристик рыночной экономики и политической демократии не в полной мере отвечает стандартам промышленно-развитых стран, используется множество определений. Политологи, социологи, экономисты широко применяют понятие «клановый капитализм», «меркантилистская экономика», «мутантный капитализм», «переходный капитализм», «политико-экономический гибрид», «периферийный капитализм», и др.¹

На наш взгляд, значительную методологическую ценность имеет проведенный Ф.Фукуямой² и другими западными исследователями сравнительный анализ западных эталонов политической и предпринимательской деятельности, для которых характерны обезличенность, универсальность, прозрачность и системы социальных связей в азиатских странах, построенных на семейно-родственной поддержке и «чувствах взаимной

¹ См. напр. Явлинский Г.А. Социально-экономическая система России и проблема ее модернизации. Дисс.: докт. эконом. наук. М., ЦЭМИ, 2005, с.82-85.

² Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., ООО «Издательство АСТ», 2004.

признательности между участниками»³. Используя предлагаемый укоренившийся в английском языке термин «Crony capitalism», можно охарактеризовать российскую политико-экономическую систему как «государственно-приятельский капитализм».

Безусловно, что это определение, как и любое другое не исчерпывает всей палитры особенностей российского бизнеса, но, на наш взгляд, позволяет сформулировать специфику политической среды его институциональной трансформации. К ним можно отнести:

- отсутствие единых правил конкурентно-рыночной игры;
- избирательный характер правоприменительной практики по отношению к различным экономическим субъектам;
- неадекватная роль силовых структур во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов;
- высокая степень политического влияния на текущую производственную, финансовую и инвестиционную деятельность предприятий;
- концентрация рыночной власти поставщиков и покупателей в руках государственных корпораций;

Достаточно узкой представляются имеющиеся интерпретации бизнеса только как способа хозяйствования, направленного на максимизацию прибыли. Такая логика неизбежно приводит к упрощению и социального, и политического, и культурного обмена до прозаических отношений продавца и покупателя по поводу товара. Тем самым и сам бизнес выводится за рамки формирования широкого институционального поля, лишаясь права участия в организации отношений в иных, кроме экономической, сферах деятельности, что, в свою очередь, противоречит его объективной роли в политическом процессе. «Деполитизация» и «департизация» бизнеса, столь очевидная с точки зрения антиолигархического дискурса, не столь убедительна при необходимости анализа бизнеса как актора национальных интересов, обладающего контролем над важнейшими стратегическими ресурсами.

Рыночный демократический бизнес, сущностной чертой которого является *демократия налогоплательщиков*, (термин Е.Т. Гайдара), не может игнорировать национальные культурные и социальные реальности, в противном случае под сомнение ставится его определение как ведущего актора институционального социально-политического пространства.

Достаточно емко и просто проблему отношений бизнеса и власти обозначил Джек Уэлч, являющийся менеджером столетия по версии журнала «Fortune». Анализируя деятельность крупнейшей мировой корпорации - General Electric, он пишет: «Только компания, в которой безупречная честность сочетается с ресурсами для борьбы за правое дело, может позволить себе бросить вызов государству. К счастью, у нас есть и то, и другое»⁴.

Понимание бизнеса лишь как деятельности, направленной на очевидную (и, желательную, быструю) экономическую отдачу, имеет и социальные последствия сокращения инвестирования в национальное будущее. Критерий максимальной рентабельности не может совпадать с критериями национальной или общественной рациональности необходимости долгосрочного прогресса и стратегически рационален.

Анализ институциональных изменений в России показывает, что лишь ограниченная, не всегда репрезентативная часть бизнеса обладает политическим ресурсом, обусловленным, как правило, возможностями «открытого окна» доступа к центру государственно-политического аппарата. Именно эта часть бизнеса, по сути, не заинтересована в институциональном оформлении адекватной модели бизнеса, обладающего как достаточными ресурсами, не связанными с государственным предпринимательством, так и эффективной системой отношений с властью.

Кроме того, в ряде исследований влияния политической системы на развитие бизнеса сформированы значимые выводы: о том, что чем выше уровень развития институционализации взаимоотношений бизнеса и власти в концепте гарантий от национализации собственности или её перераспределения в зависимости от смены правящих элит, тем выше национальная ориентированность бизнеса на внутрен-

³ Адамс О. Коррупция в КНР сквозь призму китайской политической культуры. М., МГУ, 2001, с.5-6.

⁴ Уэлч Д. Джек. Мои годы в GE. М.; Манн, Иванов и Фербер, 2006, С. 331.

ние инвестиции, конкурентоспособность, эффективное управление собственностью; конвертацию финансового капитала в развитие человеческих ресурсов⁵.

На наш взгляд, институциональный процесс взаимодействия бизнеса и власти в России можно рассматривать, как и установление контроля со стороны политиков над бизнесом, так и воздействие бизнеса на разработку государственной политики. При этом если поведение государства, вне зависимости от целей политики (повышение эффективности бизнеса или извлечения прибыли отдельными чиновниками) означает принуждение последнего к их выполнению, то бизнес не обладает такими возможностями.

Более того, российский бизнес, как правило, рассматривает государство не как источник дополнительного конкурентного преимущества, а как политическую основу при принятии экономических решений, поддерживая существующие институты власти даже в том случае, если их действия не совпадают с бизнес-задачами, корректируя или даже отказываясь от проектов, не получивших должной политической оценки и поддержки.

Российский бизнес, особенно в его части, выигравшей от приватизации, заинтересован, как это не парадоксально, в сохранении существующего порядка неэффективного управления, потери от которого компенсируются политическим влиянием. Отсутствие соперничества с властью в области выработки и предложения обществу стратегических решений поощряется властью созданием тактических преференций, лояльным отношением к лоббированию корпоративных интересов при обсуждении тактических решений органов власти. Такая модель, по терминологии В.М. Полтеровича, является «институциональной ловушкой»⁶, когда максимизации полезности достигается не рационализированием управления собственностью, а использованием власти как основного источника конкурентоспособности.

Дж. Бьюкенен, рассматривая концепцию государства как особого случая властных отношений, возникающих на основе социального контракта о передаче гражданами части своих прав на контроль своей деятельности в определенных сферах, отмечает, что « государство, которое теоретически является производным от индивидуалистического расчета, совершенно отличается от государства, которое возникает как инструмент самого договора, как средство содействия и реализации сложного обмена»⁷.

Отсюда можно выделить и две модели взаимодействия бизнеса и власти. Первая - государство – «стационарный бандит» (М.Олсон, Д.Норт) использует свою монополию для максимизации дохода группы лиц, обладающих политической властью. Задача государственного аппарата в данной модели – не благосостояние общества, а внедрение такой структуры собственности, при которой достигается наиболее высокая возможность извлечения ренты.

Вторая модель заключается в конституционно и институционально оформленном положении бизнеса в обществе, которое подразумевает использование государством своей монополии на насилие лишь в рамках делегированных ему полномочий, а бизнес рассматривает свою социальную ответственность (уплата налогов, выплата «белых» зарплат, повышение образовательного уровня персонала и их семей, расширение здравоохранительных программ и т.д.) не как повинность, не как вид «откупного оброка», а как имманентную его социально-политической сущности обязанность.

Когда государство становится главным покупателем и главным поставщиком, для значительной части российского бизнеса это является оптимальной конкурентной позицией, ибо приспособиться к государству легче, чем к рынку. В этом случае «осью колеса конкурентной стратегии» (Майкл Портер) является соответствие ожиданиям и требованиям государства, а не деловая политика свободной конкуренции.

Оценивая социодинамику развития российского бизнеса отметим, что предложенные ему правила поведения, образно сформулированные В.Ю.Сурковым как задача «прекратить шляться по Кремлю», являются лишь российским специфическим антуражем процессов экономической глобализации, требований мирового фондового и финансового рынков. Размещение акций российских предприятий на мировых биржах должно соответствовать трем базовым условиям: ле-

⁵ См. напр.: Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Institution as the Fundamental Cause of Long – Run Growth – in: Aghion Ph., Durlauf St., eds., Handbook of Economic Growth, North Holland, 2004, Алейников А.В. Институциональный дизайн национального бизнеса как предмет исследования и практическая проблема российской политики. Вестник МГОУ, серия «Философские науки», №2, 2007. С.118-127.

⁶ Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? Обществ. Науки и современность, 2004, №3

⁷ Бьюкенен Дж.М. Сочинения. М., Таурис Альфа, 1997, с.330

гальность, легитимность, ликвидность. Следовательно, необходима такая реструктуризация бизнеса, которая сделала бы его понятным в глазах мировых портфельных и стратегических инвесторов как по структуре собственности, так и по качеству корпоративного управления. Такой сдвиг в российском бизнесе происходит. Следующим этапом его становления неизбежно станет уменьшение вплоть до обнуления нелегитимного административного ресурса, его замена в качестве конкурентного преимущества на инвестиционное финансирование, которое несопоставимо с чиновничьей дружбой по возможностям роста, прибыльности, эффективности, социального статуса. Использование властного потенциала для достижения целей в своем бизнесе контрпродуктивно на мировом рынке, а с учетом российской действительности является существенным фактором повышения уровня политических рисков.

Давая общую итоговую характеристику взаимоотношений власти и бизнеса в России можно отметить следующее:

- власть на современном этапе политического развития России является фактором устойчивости финансово-кредитной и экономической систем, но не гарантом эффективности динамического развития бизнеса;

- действия власти (так называемый «план Путина») позволяют преодолевать различные «провалы рынка», например в сфере нанотехнологий, атомного энергомашиностроения, авиа- и судостроительной промышленности. Однако, для эффективного использования властного потенциала, направленного на повышение уровня и качества управления собственностью необходимо соответствующее качество политических институтов;

- власть в России является важнейшим фактором повышения рыночной стоимости бизнеса (наиболее характерный пример – взрывной характер роста капитализации ОАО «Газпром»). Однако, замещая рыночный механизм политическим влиянием на производственную эффективность, необходимо сохранять баланс отношений между всеми субъектами рынка;

- чрезмерное увлечение эгоистического использования власти отдельными бизнес-структурами может способствовать уменьшению эффективности производства и отклонению ключевых экономических показателей от рыночно-оптимальных, а также росту трансакционных издержек на оплату «политических услуг»;

- создание «придворного ансамбля» экономических структур вызывает определенную искривленность в объективности информации о реальных бизнес-процессах, что отражается на обществе в целом (рост зарплат в нефтегазовом секторе приводит к эффекту домино в других отраслях без соответствующего увеличения производительности труда, и к росту избыточной денежной массы у населения). При этом, чем больше расширяется политическое пространство в бизнесе, чем выше становится уровень принятия политических решений о вариантах и направлениях инвестиций капитала, тем выше цена управленческих ошибок, тем дороже последствия решений, основанных на ограниченности информации;

- власть может негативно воздействовать на сам «дух капитализма» (Макс Вебер), когда политически близкий бизнес улучшает свое положение за счет бизнеса «равноудаленного», вызывая в обществе по-новому окрашенную и формулируемую проблему справедливого распределения.

Следовательно, основным направлением институциональной трансформации российского бизнеса должно стать создание и внедрение такой структуры управления всеми видами собственности, при которой минимизируется возможность извлечения политической ренты, связанной с преимуществами «государственно-приятельского» положения любого субъекта политического процесса.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF INTERACTION BETWEEN BUSINESS AND POWER IN POLITICAL PROCESS OF RUSSIA. THEORETICAL ASPECTS

A.V. ALEYNIKOV

*Saint-Petersburg State university,
Mendeleevskaya line.*

e-mail: AV-Aleynikov@yandex.ru

In the article are marked out socio-political factors of the institutional transformation of the national business at the present stage of evolution of Russia.

Key word: business, power, institutional transformation, political process.